

*Более тридцати медведей
вышли в населенные пункты Приморья
всего за месяц. Двух застрелили.
«Приморская газета», август 2015*

І. ЯНТАРНЫЙ ДЕНЬ

Тайга не щадит одиночек.

И раненый зверь ищет отмищения, и терпеливо ждет добычу капкан, и сухой колодник ловит острыми сучьями. Но — доставляли октябрьские дни, теплые и молчаливые...

Еще плутала по городу ночь. С перрона Моргородка находкинская электричка понесла меня к таежному полустанку. Кроме сонной стайки молодых людей, на вид студентов, в вагоне — никого, и я стал наблюдать за рождением утра на Амурском заливе. Но мысли роились вокруг матча нашей футбольной сборной — как раз в эти минуты он походил к концу. Решалось участие России в финале чемпионата мира.

Поезд в очередной раз остановился, на лоджии вокзала высветились бронзовые фигурки красноармейцев, беседующих с Лениным, — Угольная. Пассажиров вошло немного, против меня села спортивного вида женщина лет пятидесяти.

— Как сыграли? — с ходу признаю в ней сведущего болельщика.

— Выходила — еще бились, ноль-ноль.

Рассвет забрезжил ближе к восьми — смутными кроками деревьев, но залив остался уже позади. На серой дольке горизонта замелькали контуры крыш, высоковольтные опоры, обозначились далекие волнистые горы.

— Смотрите, смотрите, уточки! — ткнула пальцем в стекло спутница. — Я тут езжу часто, на этом озере их шесть штук. А ближе к Смоляниново есть еще две старицы, на них жили кряквы, да в последнее время что-то не видно. А как-то стоял аист. Красавец!

«Если выиграют, — загадал я, — с природой будет все хорошо: и с уточками, и с аистом, и с сегодняшним янтарным днем».

Болельщица позвонила брату. «Да ты что-о?..» — обреченно протянула, и я все понял. А нам нужна была только победа.

«98-й километр» встретил солнцем, васильковым небом.

Соскочив с подножки вагона, спохватился: не взял спички. Попросил у местного жителя, в задумчивости сидящего на бревне у калитки безнадежно изношенного дома, заодно расспросил о тайге. Владимир, одинокий хозяин лет шестидесяти, оказался земляком, с Камчатки.

— Иди туда! — махнул рукой. — Все туда, — кинул руку в другую сторону, — а ты — туда! По Просечному, если просто погулять.

Просечный ключ открылся левитановским пейзажем: тянутся к синему небу задумчивые желтые березки, кудри ив никнут к лужку, вглядываясь, удобно ли ложатся опадающие листья. За этой идиллией — еще не утративший зелени пойменный лесок: ильмы, ольхи, черемуха Маака, любимое лакомство гималайского медведя-белогрудки.

Прохрипел за спиной тепловоз, и снова воцарилась замороженная, ожидающая ночного заморозка тишина.

Ручей приводит к крутому склону горы. Какие кедры на макушке! — стройные, высокие, пышные. Их немного. Но над дубовым невзрачным криволесьем, пусть и позолоченным, они, ярко-зеленые, возносятся величественно — храмом.

Я обошел крайний кедр. Паданки уже пусты. Белки и бурундуки готовятся к зиме, запасаются орехами. На шлепок упавшей недалеко шишки тут же ринулся черный зверек с пушистым хвостом, не обращая на пришельца внимания.

II. КЛИМАТ — ДРУЖЕЛЮБНЫЙ, НО МЕДОК — ВРОЗЬ

Два часа пути — «98-й».

По подножьям сопок — те же огненные клены и виноградники, золотые дубравы, янтарные бархаты и диморфанты, медные ясени. Жаль: бунинский «Листопад» писался не здесь и не уместил всей диковинной красоты русских лесов.

Ледниковый период пощадил Уссурийскую тайгу: в тесном многообразии — растения севера и юга. Только кленов — маньчжурский, ложнозибольдов, бородастый, зеленокорый, желтый, мелколистный... — вон сколько! И звери сошлись, как в «Сафари-парке»: амурский тигр и горал, серый и красный волки, пятнистый олень и кабарга, маньчжурский заяц и беляк, непальская куница харза и соболь, рысь и бенгальский кот, бурый и гималайский медведи...

Все живое готовится к зиме.

Не видно мошек, ос, бабочек. Муравьи свернули наружные посты, затворили входы-выходы лабиринтов в своих жилищах. Попрятались лягушки, змеи. Вспыхнувшие киноварью клены дарят хоть и виртуальное, но согревающее душу тепло. Я присел к одному «костерку». Падающий лист зашуршал по веткам. Весело покрывшись, опустил на подставленную ладошку.

Бурого медведя здесь встретишь нечасто, а вот следы гималайца — на каждом шагу. То пень разворотит, то черемуху пообломает, то нашкодит на пасеках. Как-то Герман Орловский, приятель, рассказывал, когда мы в Лукьяновке, небольшой дачной деревушке, проходили мимо дома его соседей:

— Вот тут стояли улья, — указал на огороженную поляну. — Медведь повадился сюда, как к себе домой. И что любопытно! — фамилия хозяев Медвежонковы.

Как ты объяснишь сей забавный факт?

— Не надо было родичами записываться!

— Допустим, — принял шутливый лад Герман. — Ну и угощался бы родственному, без разбоя. И ложку бы дали, и стакан медовушки поставили. Так

нет — каждый раз крал по улику. Как перелазил через колючую проволоку — загадка. Раскуроченные домики утром находили в речке. Пчелы, конечно, безвозвратно терялись. Как ни пугали, братские узы крепил до тех пор, пока этого дорогого родственничка однажды не проводили как полагается, с изысканным подарком: упаковали в соты пакетик с дрожжами. Теперь не иначе как у своей дальней родственницы, Большой Медведицы, гостит.

Медвежонковы состарились, дачу заколотили...

Вместо «храма» — пеньки...

Куда податься соплеменникам гималайца?

В моем рюкзаке ничего привлекательного нет. Да и песенки напеваю не просто так. Но главная надежда на безопасность — флакон уксусной эссенции.

Цокнула отрывисто белка, юркнула под валежину. Через мгновение выскочила из-под другого ее конца, вспрыгнула на лесину и помчалась по кронам. На зиму ей надо натаскать в дупло и напрятать в тайники ведра три-четыре орешков. Бурндуку хватит и одного: зиму проспит.

Сможет ли белочка набрать нужный запас?

Перевалив гору, спустился к другому ключу, осмотрел тополь Максимовича — огромное, похожее на колонну Парфенона дерево метра полтора в поперечнике и под тридцать высотой — величественная красота эллинизма, многовековое спокойствие. Прямо у земли — дупло.

Белогрудка охотно в «колоннах» зимует. Найдет вот такое, живое, дерево с лазом не у самой земли, а повыше, чтоб кто попало не заглядывал в спальный — а у самок в январе-феврале и родильный — дом, выстелет лежанку мхом и уйдет на кормежку до белых мух. Перед первым снегом, по чернотропу, путая следы, прокрадется с пучком еловых веток в подмышке в обустроенную берлогу и заляжет в спячку до устойчивого апрельского тепла. Если не успеет забраться в гнездо до снегопада по земле — проберется по деревьям, не оставляя следов. Но, когда на его небольшое — шестьсот-семьсот гектаров — ареале по каким-то причинам деревьев с высоким входом не окажется, займет квартиру и на первом этаже. Таковую вот, у какой стою. А то и в скальной расщелине перезимует. Но залегать еще рано, самое время нагулять жирок на кедровых орехах, кишмише, винограде, желудях.

Но городской люд, приезжая в тайгу за актинидией, виноградом, лимонником, не утруждает себя лазанием по деревьям, а просто срубает лианы. А их на медвежьем «подворье» не так много. Да и дуб всю пилят. О кедре и сказать уже нечего.

Снимаю сапоги, ставлю их у лаза. Размеры входа позволяют забраться в убежище и самому. Получилось забавное селфи. Если полулежа — можно и прикорнуть. Нагребаю в берлогу листьев, обрызгиваю подходы уксусом, устраиваюсь поудобней — звенящая тишина потонула в лесном безмолвии...

...Гималаец испуганно огляделся и со всех ног бросился за Большой Белогрудкой. Мчался и мчался вдоль лесной дороги. Он девять месяцев жил с ней неразлучно в бетонной берлоге — с тех пор, как его привезли в новое жилище сосунком. А когда Большая Белогрудка по утрам увозила хозяина и ее долго не было, Гималайцу за запертыми железными воротами было не страшно. Вечером Большая Белогрудка возвращалась, и они ночевали друг возле друга. Своих сородичей, хоть и видел-то лишь свою мать, Гималаец на нюх хорошо знал. Еще и хозяин привозил мешки с таким же запахом. Сердце Гималайца при виде каждого мешка радостно билось. Верил: рано или поздно до него дойдет и материнский дух. Даже когда хозяин однажды вытряхнул из мешка много мертвых медвежьих лап и сказал другому человеку: «Как договаривались, сто штук», Гималайцу хоть

и стало не по себе, но он надеялся: его мать привезут совсем не так. Она, конечно, узнает его, подойдет, порычит приветливо, и он напьется ее теплого молока. Но вчера все изменилось: добавился другой запах, страшный, — от большой поло-сатой шкуры, — никогда раньше не касавшийся его чуткого носа. Тело вдруг за-тряслось, как только Большая Белогрудка вернулась и хозяин извлек из нее шкуру. А утром из своей железной клетки Гималаец услышал, как человек в фуражке и с кобурой на боку взволнованно сказал хозяйину: «Шухер, Васек. Этого увози в лес, отпусти. Шкуру, лапы и все остальное я перепрычу». Хозяин увез Гималайца в тайгу, резанул длинным ножом ошейник, отомкнул клетку, заскочил в Большую Белогрудку и умчался... Гималаец бежал и бежал за Большой Белогрудкой, но догнать не смог. Пять дней и пять ночей бродил по лесу, голодный, пока не почуял запах, почти хозяйский. Долго и осторожно шел на него, все крепчающий, и у огромного дерева увидел точь-в-точь хозяйские сапоги. Ринулся к ним, безмерно радуясь своему спасению, но неожиданно в нос ударил жгучий запах. Иступленно замотав головой, Гималаец зафыркал, бросился наутек. Наконец нос успокоился и снова уловил знакомый воздух. Такой же, как в бетонной берлоге. Вскоре Гималаец увидел и похожие дома. Сломя голову помчался искать свое жилище, ведь хозяин приносил туда рисовую похлебку со свиными костями и картошкой. «Медведь! Медведь!» — орала во всю глотку люди и разбегались в разные стороны. К счастью, Гималаец увидел: навстречу несется Большая Белогрудка. Ее пронзительно-хри-пящего, режущего уши голоса и сине-красных мигающих фонариков он не знал, это был не тот голос, но Гималаец верил, что и эта, чужая, Большая Белогрудка поможет отыскать хозяина. Вот она резко затормозила, из нее выскочил человек в фуражке. Гималаец помчался к своему спасителю. Человек выхватил из кобуры пистолет. Люди и дома перед Гималайцем вмиг перевернулись, в глаза хлынуло васильковое небо, стало тихо и беззаботно, как возле Большой Белогрудки. Голод исчез, как будто его никогда и не было, — и это стало самым большим счастьем в его, Гималайца, недолгой жизни...

III. ДУМАЙ, МИШКА

В мой первый приезд, девять лет назад, электричка из Владивостока шла около трех часов. Теперь, как и из Находки, — два: часть остановок отменили.

И спится в тайге уже не так сладко.

Стремительным наступлением на лучшие леса человек почти отобрал у зверей то, что принадлежало им миллионы лет: охотничьи угодья, жилье, корм. Под корень изводит их общий дом — самый благополучный из всех известных, несмотря на хищнические взаимоотношения. Любимые места белогрудки — кедрово-широко-лиственные леса — нещадно изведены. За последние сорок лет из-за сокращения кормовой базы и необузданного браконьерства поголовье гималайского медведя в России сократилось более чем втрое и не превышает двух-трех тысяч особей, из них в Приморье — только половина.

За медовым десертом медведь навещался к человеку, как только появились улья, но в последние годы вынужден промышлять и «первые блюда». Лезет в села и города, с легкостью одолевая животный страх.

Но бывает — медведь трусливее зайчишки.

Кому-то из писателей пригрезилось: сборщица грибов, перешагивая валежину, наступила на прикорнувшего в холодке мышку. Тот, взвившись вихрем, рванул во все лопатки, обдав обидчицу содержимым возмущенного кишечника. А через два-

три десятка семимильных прыжков рухнул замертво — то ли от разрыва сердца, то ли от стыда за неоправданную трусость.

Было такое время — беспечности и шуток.

Таежники говорят, гималайский медведь для людей не так опасен, как бурый, но более коварен — нападает без предупреждения: молча и стремительно, сбивая с ног. Обычно без причины не бросаются ни бурый, ни черный, а столкнувшись с человеком носом к носу на узкой тропе, не проявят агрессии, если с ними не будет детенышей, если человек не станет их пугать и не побежит.

А вот и следы лакомства. У ручья — черемуха. На самом ее верху — клубок уложенных веток. Это белогрудка, обламывая крону и объедая ягоды, подсовывал обломьши под себя, сооружая сидушку, а насытившись, отдыхал на ней.

Враги гималайского медведя — тигр и бурый медведь. Но спастись от них он научился: не покидает кедрово-широколиственных лесов. В чисто хвойную тайгу гималайца не заманишь и медом, там его выловят. Но враг номер один во все времена — человек. Сам медведь людям не нужен, их интересует его желчь и лапы — прекрасное лекарственное сырье при лечении ожогов, бактериальных инфекций, астмы, цирроза печени. Восточная медицина знакома с лечебными свойствами мишкиных дериватов более пяти тысяч лет. Самый ценный секрет — желчная кислота, другими млекопитающими почти не производима.

Много воды протекло по Просечному ключу и его соседу, разные племена утоляли жажду из их крохотных студеных руслиц, жгли стоянки друг друга на гостеприимных берегах. А сопки и распадки, живя своей неповторимой жизнью, поражая щедростью и красотой каждого проходящего к ним, без меры угощали изысканными плодами на любой вкус. Да только людские вкусы оказались безмерными...

IV. СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ?

Из села Бровничи иду к Просечному пешком.

Это не очень далеко. По грунтовке — двадцать три километра. Вторую половину пути можно сократить почти вдвое, если пойти по железной дороге или по ЛЭП. Но я не успел дойти до «железки». Шел КамАЗ-лесовоз с краном, я голоснул. Разговорил водителя — в надежде узнать, где вырубается лес. Но с ответом у него все в порядке:

— На пилораму еду, в Тигровое, за старым пиломатериалом.

Лесосек не видно. Они теперь глубоко в тайге. А в пяти-семи километрах от «98-го» все выпилено полвека назад, это видно по старым пням. Новый лес понемногу нарастает. Ели — почти «промысловые», вот-вот пойдут под топор: в ближайшем будущем никакой побрякки со стороны государственных органов не предвидится. Кедрюшки — по метру-два росточком. Но на две трети погублены весенними палами.

У Усурийской тайги — светлое будущее, пошутил бы, вероятно, будь жив, великий юморист Аркадий Райкин, узнав из чиновничьих сводок, что дремучие леса Приморья ежегодно теряют до полутора миллионов кубометров древесины только из-за нелегальных рубок. Нелегалы лезут туда, где лучше, — в заповедники. А «легалы»? Туда же лезут — под видом санитарных и противопожарных рубок. Уже замахнулись и на заказник «Леопардовый» в Хасанском районе, где уникальных кошек и осталось-то всего тридцать — весь мировой запас. Но разве коммерсантам интересно их количество?

Какие там полтора! — если только в Японию — и только кедра — незаконный вывоз в течение восьми лет составлял по два миллиона кубометров до запрета на рубку в 2010-м.

А сколько валится законно? Официальная статистика — пять с половиной миллионов. Дровесина с делян вывозится чаще по ночам. Понятно: есть что скрывать. Эти миллионы можно смело утроить. По мнению специалистов, реально и учетверить.

И как тебе выжить, гималаец?

Тебя уже давно нет на Корейском полуострове, нет, по всему, и в Китае. В России судьба твоя — качели. В 1983 году занесен в Красную книгу СССР. Но в 1997-м из нее вырван, как ничего не значащий лист. С той поры неприкосновенности лишен. Через год, правда, прописан в «Приморский краевой перечень объектов животного мира, нуждающихся в особом внимании». Что за аморфное «особое внимание»? В 2002-м и вовсе попадаешь под расстрельную статью: признан промысловым животным. Ясно: о твоем выживании серьезно никто не помышляет. В охотничий сезон 2016/2017 на тебя в Приморье установлен лимит добычи — сто восемьдесят особей, примерно десять процентов от общей численности. Это нормально, если говорить о «предельно допустимом урожае». Но как уберечься остальным от пуль несанкционированных? Как спасти свои «дериваты» от многочисленных браконьеров? В 2015-м лапы сотнями изымали таможенники и пограничники при попытках вывоза в Китай.

Долго бродил я по тайге, любуюсь осенними красками.

Ни шороха!

Набрал орехов, ягод лимонника, даже оленьи рога нашел. К вечеру на старой лесовозной дороге решил перекусить. Над глубокой машинной колеей, залитой водой, развел костерок. Походный паек — хлеб, сало, чай с травами. А рухнул костер в воду — свернулся и я.

А ты, мишка, спи и думай. В «Сафари-парк», к тигру Амуру и козлу Тимуру, тебя не возьмут. Там свои лимиты.

Думай.

Тайга не щадит одиночек...

